
ОБЩЕСТВО. ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРА

*Н. Д. Никандров,
президент Российской академии образования*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В конце 1980-х — начале 1990-х годов, как признается теперь почти всеми независимо от политических убеждений, Россия пережила шоковую терапию. Прежде всего, конечно, в экономическом отношении. Основная часть населения была различными способами лишена своих сбережений, небогатая, но с точки зрения социальной защищенности достаточно стабильная жизнь ушла в прошлое, большинство работников бюджетной сферы стали получать зарплату ниже прожиточного минимума, часто с задержками, стала реальностью безработица. Все это коснулось и тех людей, которые по советским меркам могли считаться вполне обеспеченными, например, военных, «остепененных» вузовских преподавателей и научных работников.

Разбирать причины такого развития событий и искать виновных — не задача настоящей статьи. Для нашей темы важнее подчеркнуть, что следствием экономического шока, а частично и специально организованным событием, коснувшимся всего народа, было шоковое, разумеется, не одномоментное, но очень быстрое изменение ценностей общества. В какой-то мере это можно считать своего рода воспитанием по методу естественных последствий, который когда-то предлагал еще Ж.-Ж. Руссо. Если многие увидели, поняли и почувствовали, что честным и привычным способом заработать на жизнь нельзя, прибегали к другим способам, когда-то осуждавшимся. Например, хрестоматийной стала в свое время фигура бабушки, торговавшей у метро сигаретами и прочей мелочью. Разумеется, не от хорошей жизни и не потому, что это ей нравилось. И одновременно разными способами народу стали объяснять, что каждый должен сам заботиться о себе, что надежда на защиту и помощь государства — на его «патерналистскую» роль — есть признак незрелого государства и незрелых граждан, что в цивилизованном (непонятно, каком, но понятно, что не нашем, не российском) обществе не так, что коллективизм должен уступить место разумному индивидуализму,

что негоже выбирать в жизни дешевую колбасу, если неременной альтернативой ей является личная свобода и так далее.

Тогда появились, а сейчас продолжают появляться книги, где даются вполне конкретные советы о том, как стать богатым, успешным, конкурентоспособным, как перестать при этом особенно задумываться о благе ближнего, что только мешает собственному успеху (Боровой, 2004; Вагин, 2002; Коноваденко, 2002; Попов, 2002; Правдина, 2004; Свияш, 2003 и многие другие).

Ретроспективно глядя на те времена и дела, авторы и исполнители реформ считают, что при минимальных недостатках все было сделано как надо (Гайдар, 1996; Ослунд, 2003; Приватизация, 1999). Не сожалеть же, на самом деле, о каких-то миллионах людей, раньше времени ушедших на тот свет и не появившихся на этот! Как нам тогда объясняли некоторые реформаторы, недаром же Моисей водил свой народ по пустыне сорок лет, чтобы ушли из жизни прежние поколения. А здесь была такая удачная возможность ускорить процесс, не мучаясь сорок лет!

Таким образом, и объективные условия жизни, и пропаганда новой системы ценностей вела к их изменению. В каком направлении, с какой скоростью, с какими результатами — очень интересные темы, не раз поднимавшиеся в научных дискуссиях, в том числе и автором этих строк (Никандров, 1996; Никандров, 2000).

С тех пор прошли годы. Родились новые поколения людей, выросли те, кто во времена начала реформ по молодости лет не мог о них задумываться. Ушли из жизни многие люди старших поколений. Некоторым символом произошедших ценностных изменений может служить пример не очень свежий, но в данном случае он тем интереснее. 22 апреля 1989 года, т. е. в день рождения В. И. Ленина, телевидение устроило опрос, как помнят Ленина. Спросили мальчика примерно десяти лет из маленького городка Березовска, кто такой Ленин. При этом разговор был рядом с

памятником Ленину. «Президент», — поднапрягшись, ответил парнишка. «Президент чего?» — последовал вопрос. Ответ можно было бы назвать потрясающим: «Города Березовска...». На самом деле все очень естественно: сделано все, чтобы сменить ценности. И нет лучшего способа развенчать ценности, чем убрать их из памяти.

В этом примере два интересных момента. Первый — это было уже семь лет назад, второй — мальчугану было не меньше десяти лет, не четыре или пять. Правда, в старые годы и пятилетний наверняка слышал про «дедушку Ленина», но не знать этого имени в десять лет не мог даже отпетый двоечник. Это, действительно, результат и символ практически полной смены ценностей, которая произошла уже тогда. И, понятно, здесь совершенно излишен вопрос о той или иной оценке личности и дел Ленина. Важно, что человек, так или иначе оказавший влияние на весь ход мировой истории, оказался ученику четвертого или пятого класса совершенно неизвестным.

Рождаются новые люди, взрослеют малыши, дети постарше становятся подростками, юношами и девушками, вступает в сознательную жизнь молодежь. Этот очень сложный и противоречивый процесс хорошо описан в литературе (Фельдштейн, 1999 и др.). Отвлекаясь от многих существенных для него сторон, отметим то, что особенно важно для нашего рассмотрения: эти люди социализируются, т. е. становятся частью общества в совершенно иной системе ценностей. Социализацию будем рассматривать как наиболее широкое понятие, включающее не только образование (с его составными частями воспитанием и обучением), но и влияние жизни во всей полноте сознательно учитываемых и случайно возникающих факторов.

От того, насколько скоординированной, или, во всяком случае, непротиворечивой оказывается вся система этих влияний, зависит, какими будут люди. Причем опыт всех культур показывает, что социализация, влияние окружающей жизни оказывает во многих отношениях более сильное формирующее воздействие, нежели образование. Иными словами, школа жизни сильнее собственно школы, — понимаемой, конечно, широко, — и если их влияния разнонаправлены или просто не скоординированы, возникает целая система рисков для человека, общества и государства.

Посмотрим более конкретно, о чем идет речь. При этом будем помнить, что и система образования, и тем более жизнь общества и человека бесконечно разнообразны, поэтому придется ограничиться относительно немногими, но вполне типичными случаями.

Не особенно углубляясь в теоретические споры, напомним некоторые понятия, которые не имеют

вообще однозначных толкований. Под образованием будем понимать воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства. Именно так трактует это понятие Закон «Об образовании» редакции 1996 года. Интересно вспомнить, что в исходной редакции 1992 года на первом месте в порядке перечисления было обучение. Сам ход событий, однако, показал, что при всей важности обучения приоритет должен быть отдан воспитанию. Если что-то не выучено сегодня, это, как правило, можно выучить завтра. С воспитанием дело обстоит гораздо сложнее. Не менее интересно и другое. В редакции 1992 года речь шла о «личности». В 1996 году это понятие, имеющее западное происхождение, было заменено гораздо более глубоким понятием «человек», собственно славянским, российским.

Что касается воспитания, примем определение, приведенное в Российской педагогической энциклопедии: «...целенаправленное создание условий (материальных, духовных, организационных) для развития человека» (Мудрик, 1999. С. 165). Много раньше известный советский специалист Х. Й. Лийметс определял воспитание еще короче: как «управляемое развитие».

Социализация, понятие которой с позиций здравого смысла было приведено выше, в Педагогической энциклопедии определяется как «...развитие и самореализация человека на протяжении всей жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества» (Мудрик, 1999. С. 359). В этом определении важно, что имеется в виду не только относительно пассивная часть (усвоение), но и часть активная (воспроизводство). И, понятно, как для усвоения чужого, так и для создания своего необходимой предпосылкой является обучение, которое в той же энциклопедии определено как «совместная целенаправленная деятельность учителя и учащихся, в ходе которой осуществляется развитие личности, ее образование и воспитание» (Краевский, 1999. С. 86). Проницательный читатель легко увидит некоторые несоответствия в определении этих базовых понятий в одной и той же энциклопедии, но сейчас в практическом плане это для нас не так важно.

Сказанное выше дает нам возможность более конкретно обсудить возможные риски современной российской системы социализации. Для этого надо посмотреть, каково содержание тех текстов, которые предъявляются в этой системе людям различными способами. Иногда используется понятие, заимствованное из английского — контент, предполагающее собственно текст, его значение и смысл.

Конечно, восприятие внешних влияний, из которых складывается социализация, зависит от со-

стояния воспринимающего. В нашем случае — это уровень жизни населения, особенно же — самовосприятие, понимание самого себя в жизни, своего места в ней, своей системы ценностей. Это — тоже специальная и не новая тема, поэтому возьмем лишь то небольшое, что прежде всего важно для нас в рамках темы.

Итак, по данным стабильного учебника, за годы реформ уровень жизни понизился у 60% россиян, остался неизменным у 25–30%, повысился у 15–20%, заметно повысился у 3–5% (Социальная политика, 2003. С. 257). При этом всеми отмечается большая дифференциация доходов, когда самая состоятельная десятипроцентная группа населения получает доход в 16 раз больше самой бедной. Этот относительно низкий уровень жизни, даже при политической стабильности, приводит к демографическим проблемам, об остроте которых не раз говорил Президент страны В. В. Путин.

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин у нас 58 лет, женщин — 72 года. По этому показателю мы занимаем в мире 111-е место между Ираком и Белизом. В среднем за последние годы мы теряем миллион в год населения и миллион в год учащихся, что является прямой угрозой будущему России. Будем надеяться, что недавно предложенные Президентом страны меры по выправлению неблагоприятных демографических тенденций принесут свои плоды.

В самые последние годы в России наблюдается экономический рост, рост валового внутреннего продукта. К сожалению, прежде всего за счет сырьевого комплекса и благодаря рекордно высоким ценам на нефть. И все же рост, который при многолетней стабильности в экономике был бы замечен не только на макроуровне, но и на микроуровне, т. е. его почувствовал бы практически каждый гражданин. Этого последнего, однако, нет, так как ежегодный — на самом деле заметный — рост ВВП на 6–7% не может быстро выровнять последствия реформ 1990-х годов, особенно отпуск цен и приватизацию начала 1990-х и дефолт 1998 года. Поэтому общее восприятие жизни, оценки прошлого и перспектив будущего гражданами новой России складываются на этом неблагоприятном фоне, который, будем надеяться, изменится благодаря тому, что в бюджете 2007 года запланирован существенный рост расходов на социальные нужды.

Эти проблемы изучались, выводы не вполне однозначны, во многом зависят от политических взглядов специалистов. По-видимому, достаточно объективными можно считать работы ученых РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить» (2005) и «Рефор-

мирование России: реальность и перспективы» (2003). Из них следует, что мы гордимся победой в Великой Отечественной войне, быстрым прогрессом после войны, нашей великой культурой и достижениями в науке. Мы стыдимся ельцинского периода больше, чем всех других неблагоприятных и сложных периодов развития страны. Наша оценка СССР по шкале от плюса к минусу «скорее положительна». Население во многом симпатизирует «эпохе застоя», три четверти россиян отмечают в ней прежде всего социальную защищенность. Вместе с тем мы предпочитаем общество равных возможностей (заметим: возможностей, а не прав. — Н. Н.) обществу равных доходов.

Разумеется, в вышеприведенных суждениях «мы» весьма условно. Иначе и не может быть, особенно при резком социальном расслоении, да и возраст опрашиваемых во многом определяет ответы. Но оценки эти показательны, а для нас они важны в том смысле, что не могут не сказываться на характере социализации молодежи.

Каналы, средства социализации разнообразны. Начнем с образования, включающего, мы помним, воспитание и обучение. Начнем с него не потому, что оно является главным средством социализации, если вообще можно говорить о каком-то «главном» средстве. Напротив, даже по времени, которое современный подросток проводит у телевизора и которое превышает время пребывания в школе (Образование, 2000; Собкин и др., 2005), легко предположить трудности школы в ее стремлении сеять разумное, доброе, вечное. Кроме того, телевидение, массовая культура, реклама и прочие каналы социализации, о которых речь пойдет ниже, используют технические возможности, намного превосходящие возможности школы.

Вместе с тем нельзя недооценивать российского учителя, который в самые тяжелые времена работал, не жалея сил, часто на пределе своих возможностей и при неадекватном вознаграждении за свой труд. И все же для неспециалистов все проблемы поведения молодежи — вообще дело сугубо «школьное». Как часто мы слышим вокруг, когда речь идет о каких-то реальных или мнимых прегрешениях подростков, слова «Чему вас только учили в школе?!».

То, что школа жизни по своему влиянию сильнее собственно школы, проницательные педагоги понимали и раньше. Так, еще К. Д. Ушинский писал, что «школа не может опрокинуть жизни, но жизнь легко опрокидывает деятельность школы, которая становится поперек ее пути. Школа, противящаяся жизни, сама виновата, если не внесет в нее тех благодетельных умеряющих влияний, которые может и обязана внести» (Ушинский, 1950).

С. 659). Но сейчас школе гораздо труднее вносить в жизнь «благодетельные умеряющие влияния». Ведь тогда, когда это было написано, возможности СМИ были весьма скромными, грамотность населения едва достигала 20% (у нерусского населения много меньше), а учитель был практически единственным источником информации.

Итак, образование. Определенные риски несет в себе содержание образования, прежде всего гуманитарных дисциплин. Сильной стороной советской школы всегда было высокое качество естественно-научного образования. Но в те годы определенные недостатки нашего гуманитарного образования в смысле содержания частично компенсировались тем, что оно работало в координации, практически в унисон со школой. Это вело к известному единообразию, школьник недополучал некоторого содержания, табуированного по идеологическим соображениям. Но вместе с тем было невозможно и то, чтобы на уроках литературы или истории он получал содержание, которое ставилось под сомнение или полностью опровергалось доступными вне программы литературой, кино, театром, телевидением. Высокая классика в те годы не только была доступна, но и пропагандировалась.

Сейчас ситуация резко изменилась. Гуманитарным дисциплинам приходится бороться за свое место в школьной программе. Их содержание, конечно, частично определяется этой программой. Но та свобода, с которой современный российский учитель может отбирать и интерпретировать материал, была в России невозможна ни в советское, ни в досоветское время. Более того, в США, например, и сейчас совершенно немыслима ситуация, когда трудные моменты истории страны получали бы в учебниках, да, как правило, и на уроках не общепринятое, не патриотическое толкование. Нет в США и такого разнообразия учебников истории, как в современной России. Достаточно даже бегло посмотреть на издательский рынок России, послушать многочисленные дискуссии в СМИ, вспомнить, наконец, что в России — невиданное нигде дело! — на заседание Правительства страны был в свое время вынесен вопрос об учебниках истории, чтобы понять: ситуация более чем серьезна. Освещение татаро-монгольского (монголо-татарского?) нашествия (ига?), реформ Петра I, вопросов вхождения различных частей страны в состав Российской империи, роли СССР во Второй мировой войне, роли отдельных политических деятелей в нашей истории вообще и в истории Великой Отечественной войны, многих других вопросов столь разнообразно, что говорить о воспитании гражданского патриотического сознания народа как целостного субъекта невозможно.

В настоящее время вопрос о допуске в федеральный школьный учебный комплект того или иного учебника решается Министерством образования и науки с опорой на заключение Российской академии наук и Российской академии образования. Как председатель соответствующей комиссии в РАО могу утверждать, что вопрос этот непростой. Просто он решается лишь в случае явных фактических ошибок, которые тоже встречаются и в рукописях, и в уже изданных учебниках. Если же речь идет об интерпретации, а не о фактах, то следует вспомнить очень важную 29-ю статью Конституции РФ. Прочитую только принципиальные для нашей темы пункты 4 и 5 этой статьи: «4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. 5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Таким образом, учитель или автор учебника может принять любую из бесчисленных интерпретаций в любой из книг по истории страны, выпущенных в последние годы. Это касается поиска и распространения информации. Что же касается интерпретации, то еще раз вспомним положение о запрете цензуры. Любое покушение на чье-либо понимание вопроса, предложение его изменить может рассматриваться как прямая цензура или давление цензурного характера. На это положение может сослаться не только учитель и автор учебника, но и автор (производитель) любого текста, например, рекламного.

История, обществознание — пожалуй, самые «чувствительные» предметы школьного цикла в смысле гражданского воспитания. Что касается нравственного воспитания, то немало проблем возникает в преподавании литературы, а, в принципе, любого предмета. Известно, как непросто складывается ситуация с нашими соотечественниками за рубежом, с мигрантами, с конфликтами на национальной почве в различных «горячих точках», и любая интерпретация соответствующих событий на уроке в классе или в учебной книге может вызвать столкновение интересов, ссоры и конфликты.

Да, гуманитарную часть школьной программы нельзя признать достаточной. Чрезвычайно важно и то, что во всех последних документах о научных приоритетах России о гуманитарной проблематике также не говорится достаточно ясно. Фактически именно поэтому человек, как и в прежние годы, рассматривается как биосоциальное существо. Этот, казалось бы, сугубо теоретический тезис имеет далеко идущие последствия. Ведь социальные и многие животные, особенно высшие, и только человек имеет то, что в последние годы все чаще

называют духовностью. Она формируется прежде всего предметами гуманитарного цикла, а научной основой является исследование гуманитарных проблем. При недостаточности того и другого подлинного человека, гражданина с высоким уровнем духовности и патриотизма воспитать невозможно. В этом плане существенно, что, оценивая социальные риски и угрозы в современной России, ученые РАН сделали вывод о необходимости строительства российской гуманитарной инновационной сети. Как отмечается в Отчете РАН за 2005 год применительно к гуманитарным наукам, «динамика инноваций в России находится на уровне, который не приемлем для достижения поставленной национальной цели» (Отчет, 2006. С. 92). С такой оценкой руководство и специалисты Российской академии образования вполне солидарны.

Свобода информации, вариативность учебников — достижения гражданского общества. В России движение в этом направлении началось со времен перестройки, с плюрализма и гласности. Тогда же стало ясно, что свобода информации, не сопряженная с ответственностью, может приводить к большим издержкам самого различного характера. Впрочем, это понимали в России и гораздо раньше. Тогда, когда еще не было терминов «черный пиар», «телекиллер» и т. д., подобные явления имели место. Некоторые всем известные деятели российской культуры, пострадавшие от суровой цензуры, оставили в своем творчестве свидетельства о том, что свобода информации, не подкрепленная ответственностью, еще хуже цензуры. Просто для примера вспомним А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, которые имели проблемы с цензурой, но понимали и вредоносность «лихих борзописцев» от печати.

Итак, Пушкин:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать.
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагу-

ра.

Послушаем и Некрасова:

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет.
Как забежавший из степи
Конь, не знакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый, лесной...

А про некоего современника Н. А. Некрасова, одного из этих «лихих борзописцев» — В. П. Буренина, в 1870-е годы ходила эпиграмма:

Бежит по улице собака,
Идет Буренин, тих и мил.
Смотри, городской, однако,
Чтоб он ее не укусил.

Как-то В. В. Познер в одной из своих интересных передач объяснил склонность журналистов к сенсационности: «Ну, кто будет читать, если мы напишем о том, что человека укусила собака? Вот если человек укусил собаку, это прочтут все!». Он, конечно, прав. Но, слушая это объяснение, я вспомнил эпиграмму о злобном Буренине и выступления некоторых современных бурениных!

Вредоносны в смысле нравственного воспитания и многие тексты, печатные и не напечатанные, которые вполне можно назвать непечатными. Об этом говорилось не раз, я позволю ввести лишь один пример, причем слова, данные здесь с многоточием, в самой книге даны, как говорится, без купюр: «Чего ты сказал? Да пошел ты на х..., иди-от! Ты же придурок полный, понимаешь? Даун, б...ь. Мне не смешно ни одного раза, лузер е... й!» (Минаев, 2006. С. 302).

Отвлечемся от возможных личных обид, которые способны нанести любители «черного пиара», и вспомним о вреде общественном. Например, о вреде агрессивной рекламы пива, мнение о которой совпадают практически у всех, кроме производителей пива и рекламы, имеющих от этого непосредственную прибыль. Ведь об этом пишут и говорят педагоги, медики, родители, церковь. Но даже для того, чтобы вынести рекламу пива за пределы 22-го часа суток, потребовалось много времени, потребовались длительные дебаты в Госдуме. И тем более заметно выглядит ситуация, когда после 22-х часов следуют ударные залпы рекламы пива всех сортов, иногда одного за другим! В то же время, казалось бы, есть чисто конституционное положение, которое могло бы прийти на помощь, и не только в борьбе с рекламой пива. Это — статья 55 нашей Конституции, п. 3 которой гласит, что «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Пусть «...только в той мере...», но все же м о г у т быть ограничены! И ведь в данном случае вопрос на житейском уровне ясен: очень немногие возьмутся утверждать, что агрессивная реклама пива безвредна, не ведет к все большему потреблению пива, прежде всего молодежью. Но юридические, законодательные решения, как и во многих

других случаях, упираются в коммерческие интересы производителей. Когда во главу угла поставлены эти интересы, логика, как иногда сейчас говорят, «отдыхает». Возьмем это положение на заметку и вернемся к образованию, к воспитанию как его части.

Помимо недостаточности гуманитарной части образования есть еще одна трудность воспитания по сравнению с социализацией. Воспитание во многом опирается на слово, которое, несомненно, оказывает мощное влияние. Но социализация прежде всего влияет через события, материальные и иные условия жизни, в общем случае — через дело. Разлад между словом и делом — вообще давняя проблема педагогики. Например, пока то, чему учила школа, разделялось в идейном плане большинством народа, на самом деле вознаграждалось жизнью, гражданское воспитание было достаточно успешным. Конечно, с точки зрения техники, эффективности достижения цели; о содержании и направленности воспитания речь не идет. Когда примерно на рубеже 1970-х — 1980-х годов все чаще стал намечаться разрыв слова и дела, мы получили проблемы воспитания, с которыми в последние годы существования СССР так и не смогли справиться.

Конечно, в хорошо организованной и спланированной воспитательной работе слово — не единственный инструмент. Важным является включение в дело, в специально организованную систему дел, которые воспитывают. Но именно этого сейчас во многом и не хватает. Лишь в самое последнее время возрождаются военно-спортивные игры, поисковые работы патриотической направленности, создаются общественные молодежные и детские организации, на всех уровнях — от федерального до конкретной школы — разрабатываются планы воспитания.

Это является прямым контрастом с ситуацией, созданной в начале и сохранявшейся в течение всех 1990-х годов. Более того, это контрастировало и с тем, что имело место, например в США, где мощное патриотическое воспитательное влияние оказывало более столетия культивировавшееся скаутское движение. Его идеи (как и практика скаутизма в различных странах) всегда включали и включают преданность Богу, стране, семье, правительству, начальству (Детское движение, 2005. С. 280–290). Скаутизм существовал и в России, но был вытеснен после установления Советской власти пионерским и комсомольским движениями. Однако даже тогда в этих совершенно новых условиях многие идеи и практики скаутизма сохранились. Понятно, сохранились без прямых ссылок на скаутизм, но суть легко восстановить по книге основателя скаутизма Р. Баден-Пауэлла (2001), кото-

рая очень кстати была переведена у нас в стране через столетие после ее появления. И ее перевод, и содержание — прямой укор тем, кто в конце 1980-х — начале 1990-х по идеологическим причинам уничтожал разумные практики наших общественных движений советских лет. Ведь они не только воспитывали преданность режиму (что, кстати сказать, тоже фактически всегда являлось задачей скаутизма). Они воспитывали любовь к своей стране, ее народу, чувство дружбы и умение прийти на помощь, причем это подчеркивалось в приветствии «Будь готов!» и отзыве «Всегда готов!», среди многого другого перешедших от скаутов к пионерам.

А борьба за умы и сердца людей, особенно молодых, всегда велась, ведется и будет вестись. Например, в 1990-е годы, когда экономика страны разрушалась, жизненный уровень падал, угроза распада страны была вполне реальная, ее суверенитет становился все более призрачным, русскоязычные передачи зарубежных радиокompаний были полны хвалой в адрес Б. Н. Ельцина. Сейчас, когда эти неблагоприятные тенденции постепенно преодолеваются, В. В. Путин весьма часто становится мишенью для критики со стороны этих радиостанций. Раньше это называлось идеологической борьбой, и в совсем иной ситуации, в совсем иное время поэт В. Федоров писал о ней так:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет, нас разя....
Сердца! Да это же — высоты,
Которых отдавать нельзя!

Право же, «военная» терминология автора не мешает понять его мысль сейчас, когда, будем надеяться, настоящая, «горячая» война нам не предстоит.

В условиях, которые сложились в 1990-е годы, в условиях распада СССР и угрозы распада России гражданского, патриотического воспитания нашей молодежи практически не было. Ей предлагались не только в экономике, но и в повседневной жизни идеи рынка и конкуренции под углом зрения известного лозунга фирмы «Пепси» — «Бери от жизни все!». При этом даже самые успешные капиталисты и рыночники понимают, что рыночная идеология — не основа всей жизни, а лишь набор правил жизни экономической. Так, Дж. Сорос в своей книге «Кризис мирового капитализма», касаясь «грабительского капитализма» в России, подлинной бедой считает, что «денежные ценности узурпировали роль подлинных ценностей, а рынки стали господствовать в таких сферах общественной

жизни, где им не должно быть места» (Сорос, 1999. С. 226).

Серьезные трудности и для воспитания, и для социализации создают массовая культура, телевидение, радио, кино, реклама. Это перечисление не является попыткой ранжировать факторы влияния по значимости, тем более что они зависят не только, а порой и не столько от содержания, но и от потребления, в свою очередь зависящего от возраста и социального положения «потребляющего».

Называть массовую культуру абсолютным злом и настаивать только на максимально «серьезной» музыке, литературе и т. д., хотелось бы думать, никто сейчас не будет. Разумнее согласиться с тем, что борьба с масскультом по степени успешности — это борьба с ветряными мельницами (Массовая культура, 2003. С. 4). Вопрос в доступности, пропаганде и масштабах воспроизведения той или иной культурной продукции, в мере ее влияния на массового человека. В этом смысле следует признать, что в 1960-е годы США практически навязали всему западному миру свою культурную традицию, традицию молодой культуры, хотя и возникшей на основе эмигрантских европейских образцов, но весьма измененной духом прагматизма и рынка. Несмотря на то, что некоторые европейские страны в то время пытались бороться с этим явлением (вспомним знаменитый закон, принятый во Франции, «О защите французского языка»), финансовые возможности, а, значит, и мера влияния США и их масскульта были непреодолимы. В то время гораздо меньшему влиянию подверглись СССР и страны СЭВ (по причине «железного занавеса») и страны Востока (по причине слишком давних и глубоких традиций восточных культур). После распада социалистического лагеря, падения «железного занавеса», перестройки и реформ 1990-х годов влияние американского масскульта в нашей стране и странах Восточной Европы стало так же велико.

Еще раз отметим — развлекательные, не требующие особого напряжения мысли, сугубо потребительские культурные произведения, умелые, профессионально созданные культурные поделки нужны. Нужны тем более в наше достаточно напряженное время, когда в своей повседневной жизни человек сталкивается с множеством проблем, от которых хоть ненадолго хочется разными способами уйти. В то же время каждый, кто мысленно просканирует несколько последних лет потребления современного телевидения, кино, радио, таблоидов, уличной и домовой рекламы и прочих каналов масскультурного воздействия, согласится, что в его содержании есть целый ряд типичных посылов, влияющих на воспитание и социализацию всех, прежде всего, конечно, детей и молодежи.

Это позволяет социологам сделать весьма жесткий вывод о том, что «...технология работы телевидения, опираясь на фундаментальные социокультурные и психологические механизмы, сориентирована отнюдь не на нормальную человекообразную логику социализации и сохранения психического здоровья, а, напротив, работает на их разрушение» (Собкин и др., 2000. С. 160).

Какие это посылы?

Это — всевластие денег, которое пропагандируется всеми возможными способами. Различные игры на деньги, всевозможные призы, бонусы, скидки и прочее — конечно, лишь детали. Основное здесь — сам характер еще недостаточно развитой рыночной экономики, а также многочисленные сериалы и отдельные фильмы (прежде всего видео), в которых так или иначе главным мотивом жизни и преступлений являются деньги. В жизни есть место и игровым автоматам, и казино, и азартным играм на деньги. Но между «есть место» для них и их пропагандой мощнейшими средствами массовой информации — дистанция огромного размера. Только через пропаганду игр на деньги, беспредельную доступность примитивных игровых заведений игровые автоматы действительно становятся «однорукими бандитами», подчас приводящими к человеческим трагедиям, но всегда воспитывающими человека в рабстве перед деньгами.

Это — практическая неизбежность, а во многом и необходимость насилия. Первоначально оно пришло на наш экран, конечно, из кино и телевидения США, которое довольно долго заполняло российские экраны на 75–90%. Теперь легко заметить, что наши собственные фильмы с соответствующими сюжетами делаются вполне по образу и подобию американских, практически не менее профессионально, но с той разницей, что насилия в них еще больше. При этом совершенно не существенно с точки зрения воспитания, особенно детей и подростков, что киногерои Ван Дамма, Чака Норриса, Сильвестра Сталлоне и Арнольда Шварцнеггера нередко используют насилие в борьбе за правое дело, например, для защиты честных людей от преступников. Весьма часто усваивается не это обстоятельство, а, так сказать, техническая сторона насилия и идея легкости его применения. Заметим попутно, что наши детективные сериалы, где по закону жанра преступление — канва развлекательного сюжета, по количеству и длине превосходят то, что есть в других странах.

Насилие в жизни, конечно, было всегда, не изображать его вообще значило бы погрешить против правды жизни. Но вспомним, как изображалось насилие, боль, физическое страдание в фильмах, созданных во время и вскоре после Великой Отечественной войны. Сейчас, когда массовым про-

смотром фильмов с насилием своего рода порог восприятия у зрителя намного поднят, «то» насилие уже не воспринимается с сочувствием к одним, с осуждением других — оно очень часто воспринимается как набор технических приемов.

Таким образом, вопрос в том, насколько полезно натуралистическое изображение насилия, частота его использования в кино- и видеосюжетах. Ответ с точки зрения психологии и педагогики однозначен — все это вредно. Молодежь во многом «делает жизнь» с киногероев, идентифицируя себя с их образцами поведения. Отсюда, как отмечается во многих работах, — рост уровня насилия в современной жизни, причем во всех странах. Можно подойти и с другой, юридической точки зрения, с позиций юриспруденции еще Древнего Рима: *cui prodest*, т. е. кому (это) выгодно. Но это сейчас не наш вопрос.

Далее, современная масскультура перегружена сексуальной тематикой. Разумеется, здесь легко перейти в наступательную позицию и задать вопрос: а какова, собственно, своего рода «норма» соответствующих сюжетов в культуре, учитывая несомненную важность для человека этой стороны жизни? Готового ответа нет, но нетрудно заметить, что и частота изображения любовных игр и секса, и откровенность таких изображений, и изображение нетрадиционных ориентаций в сексе резко увеличились в нашей стране за последние годы. При этом помимо более раннего, чем раньше, начала половой жизни подростков (Собкин, 2005) любовь все больше заменяется сексом, а количество преступлений на сексуальной почве возрастает. Может быть, менее заметным, но все же важным следствием является искажение в воспитании традиционного гендерного образа: женщинам (особенно будущим женщинам, девочкам) экран навязывает образцы мужского поведения (образ «андрогина», унисекс в моде и так далее).

Существенной стороной в содержании масскультуры является и дегероизация, при которой прежние герои реальной жизни, художественных литературных произведений, кино, телевидения подвергаются табуированию или осмеянию. Если в советские времена был культ В. И. Ленина, создана кинолениниана (с весьма разными художественными достоинствами), то в 1990-е годы практически различными способами создана «антилиениниана» с изображением Ленина как недалекого жестокого фанатика, наделенного чуть ли не всеми человеческими пороками. Вспомним также рекламные ролики на рыночные темы, в которых упоминания попавших в немилость в те (1990-е) годы политических деятелей прошлого, а также рекламные тексты были на мелодии песен патриотического содержания и гимнов — Гимна Советского Союза и

«Интернационала». Вспомним: «Олби всегда живой, Олби всегда с тобой» и т. п. Это рвет традицию, нарушает связь времен, обостряет проблему отцов и детей, а при проекции в будущее — воспитывает поколение, которое заранее будет обречено на неуважение к предыдущему поколению, к своей стране, поколению иванов, родства не помнящих.

Близкой к предыдущей является еще одна сторона содержания нашей радио-, кино- и видеопродукции. Речь идет о ее весьма частой антипатриотической направленности. Для сравнения вспомним многочисленные американские боевики, в которых президенты США попадают в тяжелую террористическую ситуацию. Типичен фильм «Борт номер один» (в нашем прокате и на телевидении — «Самолет президента»). Самолет Президента США захвачен террористами. Как смело себя ведет он сам, как смело действует его окружение! Есть некоторая нескоординированность действий силовых структур (для вящего напряжения сюжета), но в своих основных целях и действиях они едины. Попутно проводится мысль о терроризме на базе бывших советских среднеазиатских республик. Прекрасная игра Харрисона Форда дополняет картинку, имеющую несомненное положительное воспитательное влияние на американского подростка. Но кого воспитывают этот и многочисленные подобные добротные поделки-боевики у нас, в России? Конечно, они развлекают. И одновременно весь видеоряд воспитывает из наших подростков скорее американских, а не российских патриотов.

И другой в некотором смысле интересный для нашей темы фильм — «Военный ныряльщик». Он — об афроамериканце (теперь уже не говорят «негре») Карле Брашире, который с трудом из-за расовых проблем стал водолазом, потом потерял на опасной работе обе ноги и вернулся в строй на протезах, преодолевая сопротивление «реакционеров»-врачей и командиров. Словом, американский вариант «настоящего человека» из повести Б. Н. Полевого. Но что важно? «Повесть о настоящем человеке» экранизирована очень давно, практически не показывается современным зрителям, в школьной программе обычно не изучается. События с Карлом Браширом относятся к 1950-м — 1960-м годам, но фильм сделан недавно и вполне выполняет свою воспитательно-патриотическую роль.

Детальный анализ американских фильмов с позиций гражданского воспитания явно вышел бы за рамки статьи и даже брошюры, к тому же каждый сможет привести немало подобных примеров из своей зрительской практики. И, казалось бы, при отсутствии в США некоего единого политико-идеологического центра, своего рода «агитпропа», при свободе мнений, и школьная программа, и мо-

лодежные общественные организации, и кинопродукция воспитывают американскую молодежь в духе преданности стране, патриотизма, уважения к властям, президенту, т. е. в духе гражданских добродетелей.

Не будем и переоценивать эффективность этого воспитания. Порядок в США в значительной мере поддерживается жестким и привычным для жителей полицейским надзором. Если по каким-либо причинам он ослабевает, насильственная преступность взмывает вверх. Так это было, например, в сентябре 2005 года после урагана «Катрин» в Новом Орлеане, когда широко процветало мародерство и был отдан приказ стрелять в мародеров на поражение. При этом законы многих штатов США позволяют приговаривать к смертной казни несовершеннолетних, правда, «гуманно» позволяя им дожить до совершеннолетия для исполнения приговора. И все же последовательности и четкости содержания гражданской социализации в США у нас нередко соответствует широкомасштабное критиканство. Критикуются власти всех уровней, критикуется армия, критикуется история страны. Критическое отношение к конкретным действиям власти свойственно создаваемому у нас гражданскому обществу. Обвальное критиканство, напротив, ему противопоказано, поскольку ставит под вопрос гражданское воспитание и социализацию самих граждан.

Тем более серьезна ситуация, когда такая критика, к тому же еще в молодежных изданиях и в сильных выражениях исходит от людей, которые символизируют для молодых успешность в карьере и, соответственно, являются знаковыми, референтными. Например, один депутат Государственной Думы на вопрос «Есть ли у Вас обязанности перед Родиной» ответил так: «Ни малейшей, ни одной обязанности. Родина, вообще, я считаю, скотина!» (Интервью А. Невзорова с О. Горбатовым // Московский комсомолец. 21 сентября 2002). Большинство депутатов Думы такого мнения, конечно, не придерживаются. А некоторые другие весьма показательные пассажи из интервью этого депутата вообще невозможно процитировать здесь, поскольку, хотя они и напечатаны, самым мягким названием для них было бы «непечатное». Но ведь какой-то, как сейчас принято говорить, «сегмент» избирателей этот депутат отражает, кто-то этот стиль одобряет и читает с удовольствием! И вот в молодежной газете ее типичные читатели видят такую оценку чувства любви к Родине, притом выраженную политическим деятелем, журналистом, пересыпанную ненормативными выражениями.

От таких статей и таких оценок только прибавляется число молодых людей, для которых Россия — всего лишь нелюбимое место рождения, вре-

менное пристанище, которое лучше бы побыстрее сменить на места более теплые и более хлебные. Не помогают воспитанию гражданина — патриота своей страны и такие публикации, как «Книга для призывников и их родителей» (Краснов, 2003), где читатель найдет все, что нужно, чтобы умело «косить» от армии. Если же не поймет, то в вагонах метро можно увидеть надписи типа «Пора косить от армии? Звоните, мы вам поможем!». В объявлении слово «косить» дано, конечно, без кавычек, и приведен телефон, по которому надо звонить.

Иногда говорят, что журналисты — в общем случае, СМИ — лишь сообщают о язвах общества, но сами их не производят. По большому счету это, конечно, верно. Вместе с тем нельзя недооценивать и эффект «самооправдывающегося пророчества» (self-fulfilling prophecy), о котором давно писали американские психологи. Если ребенку все время говорить о том, какой он плохой, он, скорее всего, не будет лучше, лишь озлобится. Если обществу все время и все больше говорить о его язвах, их не будет меньше. Но есть и конкретный механизм, который связан именно с оперативностью современных СМИ. Например, когда летом 2005 года заключенные в льговской колонии вскрыли себе вены, протестуя против плохого обращения, через два дня то же сделали заключенные в омской и ростовской колониях. Разумеется, надо защищать и права заключенных, если они нарушаются. Но, может быть, для этого не нужно на всю страну транслировать призывы вскрывать себе вены — ведь именно так была воспринята заключенными омской и ростовской колоний соответствующая информация?!

В какой-то мере влияние этих посылов уменьшает образование — при всех трудностях, о которых говорилось выше. Смягчает его также религия, точнее, религии. Традиционные религии России, прежде всего православное христианство, и в догматике (каноническом учении церкви), и в проповедях пропагандируют такие ценности, как стремление к миру, любовь к Отечеству, любовь к ближнему, особенно слабому, уважение к армии как защитнице страны. Но при несомненном росте религиозности нашего населения реальное ее влияние на массы населения проявится далеко не сразу.

Приведенные выше факты позволяют утверждать, что современная система социализации в России (включая и образование) привносит в жизнь общества ряд рисков, связанных с формируемым ею образом человека. Благодаря соответствующим текстам, различными способами доводимым практически до всех без исключения граждан страны, в обществе могут возрасть такие его характеристики, как

— антипатриотизм и утрата чувства Родины;

- неуважение к власти, армии и силовым структурам вообще;
- национализм в его различных формах;
- рост корыстно обусловленной и насильственной преступности;
- равнодушие или активная неприязнь к людям, жестокость к ним;
- распространение алкоголизма и наркомании;
- обострение проблемы «отцов и детей», неуважение к уходящим и ушедшим поколениям;
- равнодушие к созданию семьи, промискуитет, пробные браки, социальное сиротство, рост проституции как основного или побочного занятия;
- примитивизация потребностей и интересов с соответствующим обратным влиянием на культуру со стороны ее потребителей.

Эту систему рисков для специальных целей можно выстроить и гораздо более подробно, приводя многочисленные примеры информационных текстов и их влияний на человека, социальные группы людей и все общество.

Более важно, напротив, обобщить проблему и отметить, что это суть риски для физического, нравственного и психического здоровья человека, риски для нравственного здоровья общества, риски для безопасности страны. При этом риски социализации не снимаются воспитанием, школой, образованием в самых разных учреждениях.

Необходимо подчеркнуть, что это — именно риски, т. е. возможность и высокая вероятность возникновения нежелательных событий, а не обязательные последствия. Вместе с тем непредвзятый взгляд, тем более внимательный анализ происходящего в последние годы показывает, что риски эти реальны, соответствующие изменения в нашей жизни отнюдь не надуманны, вероятность наступления нежелательных событий высока. Это совершенно не значит, что в жизни нет изменений к лучшему, они есть, и им, естественно, надо только радоваться. Но сейчас речь идет о рисках, т. е. о том, чего по возможности хотелось бы избежать. Есть ли такие возможности и каковы они?

Бесспорно, такие возможности есть. В противном случае более правильным поведением было бы вообще не замечать рисков, не говорить о них, чтобы еще больше не увеличивать тревожность и чувство неуверенности в обществе.

Прежде всего необходимо признать серьезность проблемы, признать реальность этих рисков и необходимость принятия контрмер. Если следовать примеру страуса и прятать голову в песок, если делать акцент только на положительных — вполне реальных! — изменениях в стране, эти риски будут возрастать.

Необходимо усилить гуманитарную составляющую в содержании образования и в научных

исследованиях как основу этого содержания. Таким путем преодолевается давнее понимание человека как биосоциального существа, делается особо важной и значимой его духовная составляющая («био — социо — дух») со всем ее разнообразием и богатством.

Необходимо всемерно укреплять патриотическую направленность содержания образования. История показывает, что патриотическая одушевленность граждан страны, даже при относительно невысоком уровне жизни, позволяет решать, казалось бы, неразрешимые проблемы.

Необходимо, проявив политическую волю, принять ряд ограничительных мер. Примером является то, что существует в ряде других (в том числе так называемых «развитых» или «цивилизованных» стран) — цензура по мотивам нравственности.

Все эти меры и ряд других должны быть увязаны в общенациональную программу воспитания (и социализации), которая с необходимостью будет конкретизироваться по регионам, муниципалитетам и так далее для учета интересов различных групп населения и районов его проживания. При этом речь идет не только о воспитании детей и молодежи, хотя прежде всего именно об этом. Речь не идет, как иногда воспринимаются соответствующие идеи, о формировании однотипного человека-винтика. Но при отсутствии некоторых объединяющих людей общих позиций, ценностей и идей народ превращается в население, население превращается в толпу (Московиси, 1996).

Здесь намеренно не рассматриваются экономические и медицинские вопросы и меры. Понятно, что общий фон восприятия жизни будет более благоприятным, если экономика развивается успешно, если жизненный уровень и качество жизни высоки. Более того, в некоторых работах качество жизни рассматривается как основа социальной безопасности (Лига, 2006). В то же время опыт экономически благополучных стран свидетельствует, что само по себе это благополучие не является гарантией ни от высокой преступности, ни от ряда других отрицательных сторон жизни.

Разумеется, очень хорошо, когда при этом есть и общенациональная идея, в предельно кратком выражении символизирующая принятую в данном обществе систему ценностей, представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Это может быть и чеканная формула, созданная известным деятелем страны («православие, самодержавие, народность» графа С. С. Уварова, скреплявшая устой русской монархии с 1833 года), и менее конкретные выражения-знаки («добрая старая Англия», «американская мечта»), и программная разработка партии («моральный кодекс строителя

коммунизма»). Но даже при отсутствии такой общенациональной идеи (а ее невозможно быстро создать чисто заказным порядком в отличие от официального документа, она должна возникнуть в гуще жизни, а потом годы вызревать в словесных спорах и практике) разумная и сбалансированная система идей и мер позволит избежать ряда серьезных рисков для развития человека, общества, всего нашего Отечества.

Считаю, что разработка подобной системы идей и мер может быть одной из достойных задач, решаемых совместно учеными, специалистами, практиками и управленцами. В этом случае будем оптимистично рассматривать возможность устранения этих рисков, возможность позитивного движения к физическому здоровью человека, нравственному и духовному здоровью нашего общества. Именно таково было мироощущение М. В. Ломоносова, нашего великого ученого и патриота России. Он видел трудности в историческом развитии нашей страны, он видел риски и тем не менее в своей «Древней российской истории» писал в конце жизни: «Народ Российский от времен глубокою древности сокровенных до нынешнего веку толь многия видел в счастии своем перемены, что ежели кто междоусобныя и отвне нанесенныя войны рассудит, в великое удивление придет, что на толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и силы достигнул... Каждому несчастью последовало благополучие большее прежняго, каждому упадку вышшее восстановление... Противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины» (Ломоносов, 1766. С. 1–2).

Литература

- Афанасьев Ю. Н.* Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001.
- Баден-Пауэлл Р.* Настольная книга скаута. М.: Русская книга, 2001.
- Боровой К. Н.* Двенадцать ТОП: Как стать богатым. М.: Вагриус, 2004.
- Вагин И.* Почему ты еще нищий? СПб.: Питер, 2002.
- Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
- Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998–2004). М.: Изд-во Института комплексных социальных исследований РАН, 2005.
- Детское движение: Словарь-справочник / Сост. Т. В. Трухачева, А. Г. Кирпичник. 2-е изд. М.: Ассоциация исследователей детского движения, 2005.
- Джирард Дж., Браун Х.* Как продать что угодно кому угодно. Минск: Попурри, 2002.
- Коноваленко М.* Курс начинающего богача. СПб.: Питер, 2002.
- Краевский В. В.* Обучение // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 2.
- Краснов А.* Книга для призывников и их родителей. СПб.: Питер, 2003.
- Лига М. Б.* Качество жизни как основа социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006.
- Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1154 года. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1766.
- Массовая культура и массовое искусство: За и против. М.: Гуманитарий, 2003.
- Минаев С.* Духless. Повесть о ненастоящем человеке. М.: АСТ Москва, 2006.
- Московичи С.* Век толп: Исторический трактат о психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Мудрик А. В.* Воспитание социальное // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 1.
- Мудрик А. В.* Социализация // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 2.
- Никандров Н. Д.* Воспитание ценностей: российский вариант. М.: Магистр, 1996.
- Никандров Н. Д.* Россия: Социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. М.: Гелиос АРВ, 2000.
- Образование и информационная культура: социологические аспекты / Под ред. В. С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000.
- Ослунд А.* «Строительство капитализма»: рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М.: Логос, 2003.
- Собкин В. С. и др.* Подросток: Нормы, риски, девиации. М.: РАО / Центр социологии образования, 2005.
- Попов С. Н.* Думай и богатеи по-русски — 2. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.
- Приватизация по-русски / Под ред. А. Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999.
- Правдина Н. Б.* Мой ребенок — будущий миллионер! М.: АСТ, 2004.
- Реформирование России: реальность и перспективы / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Изд-во ИСПИ РАН, 2003.
- Свяши А. Г.* Хочешь быть богатым? Будь им! М.: Центрполиграф, 2003.
- Собкин В. С., Абросимова З. Б., Адамчук Д. В., Баранова Е. В.* Подросток: Нормы, риски, девиации.

ции. М.: РАО / Центр социологии образования, 2005.

Собкин В. С., Хлебникова М. В., Грачева А. М. Насилие и эротика на российском телеэкране: опыт контент-анализа телевизионных трансляций // Образование и информационная культура: социологические аспекты / Под ред. В. С. Собкина. М.: РАО / Центр социологии образования, 2000.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999.

Социальная политика: Учебник. М.: Изд-во Российской академии государственной службы, 2003.

Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания // Собр. соч. Т. 8. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.

Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: Флинта, 1999.

А. П. Валицкая,
заведующая кафедрой эстетики и этики

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Современные тексты философов, культурологов, психологов и педагогов, обращенные к анализу глобальной ситуации на рубеже тысячелетий, единодушно констатируют кризис гуманизма: отставание духовно-нравственного развития человечества от его научно-технического прогресса, беспрецедентное падение ценности человеческой жизни, фетишизм потребления в ущерб подлинным духовным ценностям.

Наблюдая нашу молодежь, общаясь с нею, особенно с наиболее яркими, мыслящими, эмоциональными, трудно не заметить конфликтное состояние сознания. Три «монстра», непримиренных, враждебных друг другу, уживаются в юной душе: телесное существо, связанное с брожением гормонов; рациональное, вскормленное естественнонаучным и техническим знанием; иррациональное, которое догадывается или слепо верит в существование других миров, таинственных, темных, непостижимых: отсюда тяга к мистицизму, магии, «готике», религии, восточным мистическим практикам, вплоть до сектантства. Один из этих «монстров» обычно побеждает, навсегда или временно, однако и в этом случае мы имеем «частичную», ущербную личность, а вместе с тем и асоциальное поведение.

Задача современной школы, а университетской — тем более, помочь нашему выпускнику адекватно сориентироваться в современности, помочь человеческой душе стать душой подлинно человеческой, обрести власть над собою, построить по возможности непротиворечивый и целостный образ мира и самого себя в нем — без ущерба для тела, разума и духа.

Надо заметить, что этих «троих» каждый из нас может обнаружить и в собственном сознании. Зрелый человек, как правило, уже миновал это поле битвы, и победа одного из «воинов» уже совершилась, определяя и характер, и систему ценностей, и судьбу.

С известной долей авантюризма можно обнаружить и в истории культуры след этих этапов движения человечества: скажем, гармоничная «телесность» греков, метафизичность и мистицизм средневековья, победа рациональности в эпоху Просвещения, а в культуре постмодернизма — рассыпанная мозаика и плюрализм выбора одного из миров.

В отечественной школе, средней и высшей, образовательные программы построены в приоритете естественнонаучного знания; гуманитаристика, препарированная в позитивистской парадигме, остается фоном. Дисциплины мировоззренческого цикла эпизодичны, разрозненны и как будто вовсе не осознают своего общего предметного поля — сферы духа.

Сегодня, когда Россия активно реализует идею сближения мировых образовательных систем, следует внимательно присмотреться к тем методологическим основаниям, на которых они построены в Европе и Америке. При существенных различиях общими здесь оказываются позитивистские принципы. Насколько они продуктивны и приемлемы для нас?

Как известно, теоретики позитивизма утверждают необходимость строить научный поиск, исходя из непосредственно данного, фактического, устойчивого, несомненного, подвергая его эксперименту, результаты которого могут быть верифицированы, повторены в опыте и